

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Епископ Серафим (Чичагов). Слово пред панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского

В преддверии дня памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского предлагаем вниманию читателей слово, произнесенное в сороковой день кончины Батюшки одним из его современников и духовных чад — [епископом Серафимом \(Чичаговым\)](#), будущим священномучеником.

В Бозе почивший, дорогой нам всем Иоанн Кронштадтский, великий праведник и всероссийский молитвенник, истинный друг всех страждущих, труждающихся и обременённых, всегда останется близким сердцу русского народа и чистейшим источником вдохновения для служителей и предстоятелей у престола Божия. Столь исключительные люди, как отец Иоанн, всегда пользуются при жизни более народною любовью, чем земною славой, так как против неё восстают явные и тайные силы, но после кончины они особенно возвеличиваются потомством того просвещённого общества, которое не могло своевременно распознать их духа, по разным причинам, но больше по своему малому духовному развитию. Для большинства образованных людей, чуждых заповеди апостольской о необходимости уметь различать людей по их

духу и избирающих более лёгкий способ познания, почти всегда ошибочный, по внешнему облику и по первому впечатлению, дорогой любимец русского народа, о. Иоанн, был всегда загадкою и какою-то тайною. Поэтому в своей труженической жизни он дважды подвергся жесточайшему гонению, в начале своей деятельности — по зависти окружающих, и в конце жизни — по злобе врагов православия. Модная известность, на которую столь падки высшие круги общества, привела о. Иоанна в богатые и знатные семьи, где ожидали видеть в нём — величественного, изящного пастыря, производящего впечатление интонацией голоса, пронизывающим взором и таинственностью изречений. Но небольшая, худощавая фигура его, быстрота и нервность в движениях, затруднённость в речи, характерные особенности сельского батюшки, производили на многих неблагоприятное впечатление. От внешности его ещё более увеличилась та загадочность, с которою носилось образованное общество в своих бесконечных возмутительных пересудах.

Первые пятнадцать лет служения и подвижничества о. Иоанна в Кронштадте возбуждали не только опасения высших иерархов и блюстителей в православном ведомстве за судьбу этого необыкновенного пастыря, но смущали, по совершенно другим уже причинам, живших в то время великих духовных деятелей, как, например, преосвященного Феофана — затворника. Мне, как состоявшему в послушании отца Иоанна в продолжение тридцати лет, все эти факты хорошо известны. Несколько раз строгий митрополит Исидор допрашивал о. Иоанна, заставлял его служить при себе и доискивался, что есть в нём особенного, даже сектантского, как уверяли и доносили ближайшие священнослужители. К. П. Победоносцев вызывал его к себе, и первое их объяснение настолько характеризует обоих замечательных людей, что я не могу умолчать. К. П. сказал: «Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите: многие так начинали, как вы, а вот чем-то кончите?» «Не извольте беспокоиться,— ответил дивный батюшка в своей святой простоте,— потрудитесь дождаться конца!» Преосвященный Феофан счёл необходимым отнестись к о. Иоанну письменно, со словом любви и наставления, и высказать, что он взялся за такую подвижническую жизнь в миру, среди всех житейских соблазнов и невзгод, которая неминуемо должна привести его к страшному падению или окончиться ничем; что никто ещё, со времени принятия христианства, не только в России, но и на Востоке, не решался на подобный путь, будучи не монахом, а священником, живя вне ограды и устава монастырских, и непременно это породит величайший соблазн в духовенстве и в народе.

Действительно, если подробно вникнуть в жизнь о. Иоанна и проследить за постепенным его духовным восхождением и сравнить общеизвестное аскетическое трудничество наших подвижников и преподобных с обстановкою и

условиями пути, избранного о. Иоанном, то нельзя не поразиться, насколько ему было труднее совершенствоваться и пребывать в невидимой духовной брани. На своём необыкновенном пути он явился первым, среди мирской обстановки, столь опасной и полной преткновений, он был всегда поразительным примером для наших пастырей, которые теперь так нуждаются в возрождении для современной деятельности, и поэтому каждому из священнослужителей необходимо ныне заняться изучением и исследованием столь необыкновенной подвижнической жизни незабвенного русского богатыря духа. Как было ему не казаться загадкой, величайшею тайною, когда он остался в положении простого приходского священника в многоштатном соборном клире и избрал путь совершенства, по заповеди Христа Спасителя, дабы оправдать

Вот этого-то и не могли понять ни духовные, ни

Аскетический, монашеский дух требует

первоначального усовершенствования в отрешённой от мира обстановке, для того, чтобы человек переродился в этой новой, тяжёлой и духовной школе, сам укрепился внутренними силами и только тогда открыл к себе вход ищущим утешения, наставления и руководства, или появился вновь в миру для служения людям. Но отец Иоанн обладал иным духом, имеющим свои отличительные черты и дарования. Дух о. Иоанна, так сказать, жаждал покорения внутренними человеческими силами, внутренним усовершенствованием — всей этой окружающей его внешностью, затрудняющей духовный путь в развращённом и извращённом миру, не прекращая исполнения никакого долга, возложенного на него обстоятельствами жизни, никакого служения людям, а, наоборот, совершенствуясь в обыденном труде, который безусловно необходим для всякого духовного пути, если суметь его соединить с непрестанною молитвою. Дух о. Иоанна требовал сохранения всей своей естественной внешности, чтобы

избежать в духовной борьбе столкновения с легко вкрадывающимся лицемерием, отвлекающим от внутренней работы, когда монашеская одежда, обстановка, условия жизни — дают без труда преимущества и приобретают кажущиеся достоинства; его дух стремился к самой искренней, чистой правде, к тому, чтобы никогда не казаться лучше, чем есть, а только быть действительно таким, для Бога, людей. Поэтому он предпочитал скорее внешностью заслуживать осуждения, чем похвалу; одевался, не смущаясь, в богатые одежды, которые ему дарили; пил и ел для друзей и гостеприимных хозяев всё, что ему ни предлагали, конечно, в ограниченном количестве, и всё покрывал своею любовью. Несомненно, батюшка отец Иоанн был блаженного духа, который в крайних формах, у простого народа, доходит до юродства, Христа ради. Избрав такой трудный путь совершенствования, он любил бывать в обществе, беседовать и находил всегда в этой общественной жизни себе — нескончаемую, непрерывную духовную работу.

Никто не мог понять в обществе, каким образом о. Иоанн достиг в светской жизни таких совершенных качеств? В ответ, позволю себе вкратце начертать, то, что мне известно. Отец Иоанн достиг всего самым простым способом: исполнением заповедей возлюбленного Господа, Иисуса Христа. Приняв священный сан, он, прежде всего, поставил себе за правило, исполнять свои обязанности пастыря, учителя и проповедника с величайшим усердием и строго наблюдать за своею внутреннею жизнью, для чего не ложился спать без исповедания всех своих прегрешений за день, изучал священное писание, употреблял на это все досуги и свободные минуты, даже в поездках и путешествиях, и так до конца жизни. Ничто так не вразумляет, не учит, не наставляет и не вдохновляет, как чтение Св. Евангелия и посланий св. апостолов; вечно новое, радостное и назидательное, если изучать в них свои обязанности, как человека, как священника и как члена общества. Затем для наблюдения за своею внутреннею жизнью о. Иоанн ежедневно вёл дневник, в который вносил все свои сокровенные мысли, чувства и молитвы к Богу и записывал внутреннюю борьбу с самим собою. Эти дневники, вошедшие в известную теперь книгу «Моя жизнь во Христе» — есть величайшее достояние наше, оставленное пастырям и обществу в назидание. В третьих, будучи сам бедным человеком, сыном сельского причетника, он имел потребность заботиться о всех нуждающихся и страждущих; известно, что он делился всегда последним своим с бедными, так что митрополит Исидор был вынужден приказать выдавать жалование не ему, а жене. Наконец, стремясь к тому, чтобы его душа не двоилась на добро и зло, он, в обращении с людьми и в молитве к Богу, достигал поразительной, младенческой простоты. Простота, истина и искренность — эти три качества любви составляли цель его духовного трудничества, и о. Иоанн молил Господа об этом со слезами, говоря: «Господи,

даруй мне сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое, достойное вместилище Тебя Всеблагого!»

Обладая чрезвычайной простотой и искренностью, о. Иоанн имел величайший дар молитвы. Это его отличительная особенность. Он глубоко верил, от всего сердца, в благодать, данную ему, как священнику, от Бога — молиться за людей Божиих, и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо тело наше есть храм живущего в нас Св. Духа, которого мы имеем от Бога (1 Корн. 6, 19). Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны, и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренно, как дитя, с живою, ясновидящею верою в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и себя как бы находящимся в Нём, в такой близости. Он считал сомнение — за хулу на Бога, за дерзкую ложь сердца и говорил: «Разве мало для нас видеть бессилие в человеках, что хотим ещё видеть бессилие в Самом Боге и тайно помышляем, что Бог не исполнит нашего прошения?!» Когда о. Иоанн молился, то старался, вообще, больше молиться за всех верных, чем за себя одного, не отделяясь от верующих и находясь в духовном единении с ними. Если видел в человеке недостатки или какие-нибудь страсти, то всегда молился тайно за него; где бы ни было: во время служения литургии, в пути ли, в беседе ли; проезжая по улице и видя порочных людей, он тотчас возносил ко Господу свою сердечную молитву и взывал: «Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего, очисти его от скверны!» или иными, более подходящими к данному лицу словами из псалмов. Он не пропускал случая помолиться за человека по чьей-либо просьбе, считая, что молитва за других есть благо и для него самого, потому что она очищает сердце, утверждает веру и надежду на Бога, возгревает любовь ко Христу и ближнему. Отец Иоанн молился, по вере в его молитву просящих, и никогда не приписывал себе ничего. Если ему приходилось вразумлять заблудших, утешать впавших в отчаяние, он в конце беседы

молился за того человека, искренно сознавая, что исправить недостатки других, а надо ещё вымолить

Особенность молитвенного подвига о. Иоанна

заклучалась ещё в том, что он необыкновенно внимательно следил за сердечностью своей молитвы и тотчас прекращал её на время, если сознавал, что молитва становится только внешней, механической, так сказать. Он упражнялся в движении своего сердца в молитве и этим подтверждал ту особенность его духа, о которой я говорил вначале. Считая одну умственную или поверхностную молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами: «Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Притч. 23:26),— о. Иоанн учил, что хорошо оказывать послушание во всём матери-церкви, читать длинные молитвы, положенные по уставу, акафисты, но следует это делать по с благоразумием, и кто может вместить продолжительную молитву,— да вместит, но если эта продолжительность не совместима с горячностью духа, то лучше сотворить краткую молитву, ибо, как св. апостол говорит: «Царствие Божие не в слове, а в силе» (1 Кор. 4:26). «Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу, но никогда не допускать ни одного возгласа к Богу, не исходящего из глубины сердца. Когда мы научимся во время молитвы говорить из сердца только истину, то, что действительно сознаём и чувствуем, то искренняя и истинная молитва очистит наше сердце от лжи, и мы не позволим себе лгать и в жизни». Поэтому о. Иоанн считал полезным во время служения и на молитве иногда сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовью к Господу.

Дорогой батюшка о. Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиною своей молитвы. На основании моих бесед с ним, я могу только так изобразить его молитвенное состояние: он становился перед Господом, как перед солнцем, и, чувствуя невыразимый блеск света божественного, закрывал глаза и ясно ощущал своё нахождение в лучах этого света и от них теплоту, радость и близость к Христу-Спасителю. Во время молитвы, после причащения Св. Тайн, батюшка иногда чувствовал, как Господь проникает сквозь его тело — в сердце, подобно тому, как Он, по воскресении, прошёл сквозь стены дома к апостолам, и тогда он получил сознание, что невидимая душа его — успокоивается в невидимом Боге.

Но, чтобы уразуметь веру и дух батюшки о. Иоанна, надо было с ним молиться в алтаре, во время литургии. Вначале он усердно поминал у жертвенника всех живых и мёртвых, со слезами молился о всех, дерзновенно просил Господа за скорбящих и страждущих, по временам отходил, потом опять возвращался и снова молился, становился на колени, обнимал дискос и видимо страдал вместе с людьми, за которых молился. Когда начиналась литургия, он продолжал ещё поминать у жертвенника, по многочисленным запискам, которые ему читались, но к чтению Св. Евангелия — всегда возвращался на своё место и с полным вниманием прослушивал слово Божие, вникая во всякое слово, покачивая головою в знак непреложности и истинности и благовестия. По перенесении Св.

Даров на престол великий молитвенник начинал как бы готовиться к радостному свиданию с Господом и уже помышлял более о присутствующих в храме, о соучастии их в общей молитве и в общей радости с ним и так молился иногда о них: «Господи! Многие из предстоящих в храме Твоем стоят праздны душами своими, как сосуды праздные, и не ведают, о чём подобает молиться: исполни сердце их ныне, в этот день спасения, благодатию Всесвятого Духа Твоего и даруй их мне, молитве моей, любви моей, исполненных познанием благодати Твоей и сокрушения, и умиления сердечного: даруй им Духа Святого Твоего, ходатайствующего в них воздыханиями неизглаголаннскими!» (Рим. 8:26). По пресуществлении св. Даров в Тело и Кровь Христовы о. Иоанн совершенно преображался. Мысль о людях сперва как бы отлетала от него, он начинал славословить Господа, благодарить Его за бесконечное милосердие, за беспредельную любовь, за спасение рода человеческого, за вочеловечение, крестные страдания, за дарование сего хлеба насущного, и в доказательство своей веры, что хлеб и вино непременно преложились в Тело и Кровь Господни, по воле Самого Господа и по действию Св. Духа, он возглашал с великою, внутреннею силою, что «небо и земля мимо идет, слова же Господни — не мимо идут!» (Мф. 24:35). Затем о. Иоанн углублялся в молитву свою за верных, о которых ему надлежало с дерзновением просить Господа-Христа. Были дни, когда он в эти минуты превращался в какую-то неподвижную тень, точно замирал, стоя на ногах, и лицо его из живого постепенно превращалось в бледное, а затем и тёмное. Как только наступало время ему сказать возглас, он моментально приходил в себя, открывал глаза, и из них катились, по ожившему уже лицу, крупные слёзы. В такие моменты его службы присутствующим делалось жутко и страшно.

Батюшка всегда приобщался очень долго, со слезами; по его словам, сосредоточиваясь на твёрдой вере и на представлении, что перед ним Кровь и Тело Самого Христа, он, приобщаясь умственно, препровождал их до глубины сердца. Быстро просветлялось его лицо при этом; радостный, счастливый, он складывал ладони рук своих, незаметно побивал их в своих быстрых и нервных движениях и всегда оканчивал свою службу торжествующим. Пока Св. Чаша стояла на престоле, он над нею наклонялся, обнимал её руками, прикасался к ней головою и радостно молился, переживая святейшие часы в жизни своей. По отнесении Святых Даров на жертвенник, при первом свободном мгновении он приближался опять к ним и снова молился. «Хорошо молиться мне о людях,— писал он в своём дневнике,— когда причащусь достойно, сознательно; тогда Бог мой во мне, и я имею великое пред Ним дерзновение!» Отец Иоанн всегда сам употреблял часть Св. Даров и затем, разоблачившись, опять становился на колени пред престолом и, склонив на него голову свою, молился довольно долго. Совершая литургию, незабвенный батюшка обретал для себя величайшее

наслаждение и блаженство. «Я угасаю, умираю духовно,— говорил он,— когда не служу несколько дней в храме, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной. Люблю я молиться в храме Божиим, в св. алтаре, у престола и жертвенника, ибо чудно изменяюсь я в храме благодатию Божиею; в молитве покаяния и умиления спадают с души моей узы страстей, и мне становится так легко: я как бы умираю для мира и мир для меня, со всеми своими благами; я оживаю в Боге и для Бога, для единого Бога и весь им проникаюсь и бываю един дух с Ним; я делаюсь, как дитя утешенно на коленях матери; сердце мое тогда полно пренебесного, сладкого мира; душа просвещается светом небесным; всё светло видишь, на всё смотришь правильно, ко всем чувствуется содружество и любовь, к самим врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь! О, как блаженна душа с Богом! Церковь — истинно земной рай! Какое дерзновение имеешь к Господу и Богородице! Какую чувствую кротость, смирение, незлобие! Какое беспристрастие к земному! Какое горячее желание небесных, чистейших, вечных наслаждений! Язык не может изречь того блаженства, которое вкушаешь, имея Бога в сердце своём! С Ним всё земное — прах и тлен».

Многое будут теперь писать и говорить о возлюбленном нашем батюшке, о. Иоанне, великом подвижнике и всероссийском молитвеннике.

Сотни тысяч людей его видели, знали, молились с ним, многие получили исцеления по его молитвам, но я не ошибусь, если скажу, что немногие образованные люди понимали его, были настолько опытны и развиты духовно, чтобы понять его дух, главным образом, уразуметь необыкновенный его путь к совершенству. Он стал пользоваться известностью уже почти после пятнадцати лет великих подвигов — и то в простом народе; двадцать пять лет подвижничества, проведённых как один день,— не убедили образованное общество в его выработанности и праведности; после пятидесяти лет этой замечательной жизни просвещённое общество ещё продолжало в нём сомневаться и даже позже обрушилось на него с обвинениями и преследованием, выражая своё осуждение и сомнение в нём. После этого можно ли подумать, что люди понимали великого пастыря Русской Православной Церкви?!

Передать свои воспоминания о посещении Кронштадта не трудно, описать виденное и слышанное также легче всего, чувствовать к такому человеку горячую любовь за ласки, добро, за помощь совершенно естественно, всё это будет печататься и сообщаться, но в моём сердце, скорбящем этой тяжёлой разлукой, теперь явилось желание ответить на недоуменные вопросы, которые служили поводом к несправедливым отношениям столь многих людей к этому действительному русскому богатырю духа. Мне казалось, мой прямой долг

разъяснить духовно то, что не понималось многими при его жизни и считалось какою-то тайною. Этот духовный вывод из многолетней подвижнической жизни незабвенного учителя нашего, подтверждаемый собственными его описаниями, особенно необходим и важен, в данное время, для всего русского духовенства, ибо кончина великого молитвенника земли русской и любвеобильный призыв глубоковерующим Царём священнослужителей к вдохновению примером и

дника должны привести к возрождению всех сил
великого служения пред престолом Божиим и на

Ещё несколько слов... Дорогой батюшка о. Иоанн

переносил все гонения с удивительным смирением. За тридцать лет я не слышал от него ни слова упрёка врагам, ни слова обиды на кого бы то ни было, как при первом преследовании, ещё в молодых годах, так и теперь, в жестокие годы его предсмертного испытания. На всё это он смотрел истинным, духовным взором, считая всегда виновником состаревшееся, древнее зло на земле. Борьба его с духом злобы в молодых годах была поразительная: сотни раз я видел, как враг связывал его невидимо у престола Божия, и он не был в силах несколько минут сделать шагу, а потом резкими движениями, после горячей молитвы, освобождался от посрамлённого его верой князя мира сего. По окончании подобных искушений он начал подвергаться, совершенно неожиданно, насилиям изуверов; его и душили, и кусали, и били, и злословили некоторые в припадках исступления. Чего только он не перенёс?! Поэтому воздвигнутый ему позор между людьми, даже им облагодетельствованными, во время безумной революции, это было оскорблением не ему, конечно, великому всероссийскому молитвеннику, догоравшему ещё яркой свечой за святую Русь пред небесным алтарём Всемогущего Бога, но невыносимым оскорблением нам, православным русским людям, всей России, которая имела право считать свою веру, своё

православие, своего дивного богомольца и праведника — неприкосновенными. Болезнь его быстро развилась в последние годы вследствие влияния на него испытаний родины. Один Бог был свидетелем его пламенной мольбы, стенания, бесконечных слёз и дерзновенных молитв за Царя и Россию, за спасение Русской Православной Церкви, которые он возносил с одра болезни или сидя уже в кресле, с Св. Евангелием в руках, преследуемый жестокими болями, воспламенённый лихорадкой и изнеможённый и высохший от подвигов и страданий. Православие — вот о чём он больше говорил в последний год и при изнеможении шептал, как бы завещая нам защиту этого великого сокровища русского и вознося ещё последние мольбы за всех нас, оставшихся для продолжения его святого дела.

Но теперь уже всё кончено; мы можем говорить, плакать и просить, искать утешения, жаждать этой любви, истины, правды — только припав на могилу нашего возлюбленного отца, друга и наставника!..

Страшно за будущее. Он так долго и много учил, но все ли его слушали? Он был истинный служитель Божий, но многие ли у него восприняли эту истину? Он был искренним, правдивым, богоносцем, но отчего же не все внимали его правде?

Он просил, молил... Отчего же не исполнили?

Молитвами твоими, да вразумимся, угодниче Божий! Аминь.

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27